

Недавно мне посчастливилось участвовать в работе X Евразийского телефорума. Среди гостей я заметила своего знакомого - Владимира Гусева, известного советского оператора-документалиста, преподавателя кафедры телевидения факультета журналистики МГУ. Этот поистине уникальный человек лично присутствовал при многих поворотных событиях XX века. Он работал там, где находиться было смертельно опасно. Но он всегда рисковал. Мы предлагаем вам рассказ человека, побывавшего в самом пекле ушедшей «холодной войны» - эпохи, которую еще не все успели позабыть. Но по которой кое-кто у нас уже пытается ностальгировать...

В объективе —

ЛЕГЕНДА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОКУМЕНТАЛИСТИКИ
РАССКАЗАЛ О «ГОРЯЧИХ ТОЧКАХ» УШЕДШЕЙ ЭПОХИ
СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «БУФФ-САДА»

НАПАЛМ В ДЖУНГЛЯХ

Однажды в детстве я посмотрел в кинотеатре на Арбате профейный фильм о Маугли - тропики, обезьяны, развалины древних цивилизаций... И тогда я твердо решил - буду снимать экзотические страны! Я поступил во ВГИК и получил свой шанс. Пошел на Шаболовку, где находилось Центральное телевидение. Дальше проходной меня не пустили: «Кто? Студент Гусев?.. Что вы! У нас и так все набрано на десять лет вперед!». Огорченный, я вышел на улицу и побрел вдоль забора. Через ограду свешивались ветки, а одна перегнулась настолько, что можно было рискнуть... Не мешкая, я перемаянул через забор... Бродя по коридорам телецентра, нашел-таки кабинет директора. И после долгого объяснения меня приняли на курсы операторов ЦТ.

В 1968 году была в самом разгаре война во Вьетнаме. В Ханое тогда открылся один из первых зарубежных корпунктов Гостелерадио. Никто из маститых операторов не решился ехать туда на четыре года, да еще без семьи. Я, ни секунды не задумываясь, пошел к начальству и попросился на войну.

Вступив на вьетнамскую землю, я сразу угодил под бомбежку. Со всех сторон грохотали зенитки, осколки снарядов, как дождь, сыпались вокруг. Помню, я сорвал лист с бананового дерева, надел на голову и прижался к стене разрушенного дома. Это было мое первое боевое крещение.

Потом я понял, что работать можно и в таких условиях. В Индокитае тогда вся жизнь ушла под землю - в городах и селениях были подземные жилища,

Владимир Гусев, советский оператор-документалист.

заводы, госпитали с искалеченными детьми и даже гостиницы для иностранных журналистов вроде меня. Здесь воево хозяйничали крысы. Мы спали на кроватях под огромными марлевыми пологами, и грызуны любили по ночам на них резвиться. Кровать ходила ходуном!

Однажды после съемок нас решили угостить обедом - подали очень вкусный вьетнамский овощной суп. В этот момент прилетел американский самолет и начал бомбежку. Из вентиляционного отверстия над моей головой огромная крыса плюхнулась прямо в мою тарелку. Затем она прыгнула на плач соседа. Тот, обезумев от страха, вскочил и замаха руками. Крыса визжала и кусалась... Когда все улеглось, я, не отойдя от шока, схватил ложку и быстро доел свой суп.

Вообще, я не видел более экзотического места на земле, чем Индокитай: непролазные леса, гигантские статуи Будды, люди с иным мышле-

нием и образом жизни. Да еще - тропические ночи, пьянящие своим ароматом и звуками джунглей! Я был пленен красотой фантастической природы.

Когда мы перелетали на стареньком ООН-овском самолете «Дуглас» - единственным средстве сообщения в той военной обстановке - из Ханоя во Вьетьян, Пномпень или Бангкок, то часами наблюдали под собой бескрайнюю зелень тропиков. В 30-е годы французский летчик случайно обнаружил здесь мертвый город Анкорват - дворцы и храмы древней цивилизации, опутанные лианами, переплетенные корнями гигантских деревьев.

Со своей кинокамерой я исколесил на диком весь Индокитай. Видел дикое племя, жилища на сваях, гигантские поля опунного мака. Кругом центры сопротивления, партизанские отряды... Но чаще всего снимал выжженную напалмом землю, людей, бегущих из горящих деревень, сутками висящие в небе американские бомбардировщики.

Мне удалось побывать и «по ту сторону» линии боя. Я видел «пир во время чумы» в обреченных на гибель занятых американцами городах - отчаянную гущу пленных офицеров и стайки проститутки. А одновременно по периметру городов шла ожесточенная пальба - из джунглей надвигались партизаны. Жутковато и трагически проходили последние часы американского правления - партизаны Вьетконга безжалостно расправлялись со своими врагами. Последними кадрами той войны стали вертолеты, которые под обстрелом снимали людей с крыши американского посольства в Сайгоне.

Бомбежки городов американцами в самом конце вьетнамской войны представляли ужасающее зрелище. Днем и ночью сотни бомбардировщиков Б-52 совершали налеты на Ханой и Хайфон. Взрывы выворачивали землю наизнанку, выкорчевывали целые дома. Утром вдоль улиц тянулись километровые шеренги гробов, куда складывали части человеческих тел...

Наутро после таких «ковровых» бомбардировок за мной, единственным тогда в городе иностранным кинооператором, приезжал сам мэр Ха-

ноя и вез на своей машине в места разрушений. Улицы выглядели как руины, повсюду огромные воронки и огромные фюзеляжи сбитых Б-52.

Когда я вернулся в Москву, в Кремле председатель Верховного Совета Горбачев вручил мне орден «Знак Почета». А через год вызвали в отдел кадров и сказали: «У тебя хорошо получаются съемки военных действий! Сейчас еще в одной стране называют события. Готовься к поездке в Сантьяго». Вот так в 1973 году, за несколько месяцев до военного переворота, я оказался со своей женой и трехлетним сыном в Чили...

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА АЛЬЕНДЕ

Не зря Американский континент называют Новым Светом - это красивейшее место на планете. Яркое-синее небо, изумрудно-зеленые леса. С одной стороны - бирюзовое море, с другой - белоснежные вершины гор. Но и тут мне пришлось снимать не красоты природы. В Чили я попал в эпицентр жестокой гражданской войны, произошедшей в конце правления кабинета Сальвадора Альенде. По улицам Сантьяго бродили бойцы многочисленных военных формирований. У всех солдат курки автоматов были на взводе. Многочисленные попытки государственного переворота и кровавые расправы породили в людях нервозность. Если идущий по улице человек вызывал подозрение, по нему открывали огонь без предупреждения. Я старался ходить посередине улицы и высоко нести на плече кинокамеру, чтобы все видели, что я кинооператор. Но если во Вьетнаме стрекочущая камера в руках защищала от нападений, то в Чили это не отгоняло тревогу - постоянно звучали сообщения об убийстве журналистов.

С президентом Республики Чили Сальвадором Альенде я был знаком лично - снимал его интервью для нашего телевидения во дворце Ла Монеда. Альенде хорошо относился к нам - СССР тогда оказывал поддержку его кабинету.

Накануне военного переворота вечером у служебного входа в правительственный дворец столпились десятки

Фидель Кастро и Аугусто Пиночет.

Последние минуты Сальвадора Альенде.

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

журналистов, ожидая приезда Альенде. Всех волновал вопрос: что он думает по поводу слухов о завтрашнем выступлении генерала Пиночета против законного правительства. Подъехали несколько правительственных «Фиатов». Спустив голову, президент молча, быстрыми шагами шел мимо взволнованной журналистской братии. Альенде не обращал на нас внимания. И вдруг среди множества лиц он узнал советского репортера Леонарда Косичева. И уже у самой калитки, повернувшись к моей кинокамере, сказал свои последние в жизни слова для прессы: «Я уверен, чилийская армия никогда не нарушит конституцию и не вмешается в политику».

А наутро 11 сентября произошел кровавый переворот. В городе поднялась стрельба. Самолеты бомбили окрестный танками дворец Ла Монеда... Окошки нашего корпункта выходили как раз на президентский дворец. Я видел, как вереницы грузовиков с солдатами в форме германского вермахта (военную униформу для Чили поставляли тогда ФРГ) заполняли улицы. Это напоминало кадры из фильмов о Второй мировой войне... После переворота я видел, как те же самые грузовики возвращались в казармы, набитые телами сторонников Альенде...

СССР активно выступил против фашистского путча. Поэтому власти сразу начали преследовать нас. Некоторых корреспондентов бросили в тюрьму.

Я спасся чудом: однажды вечером, за полчаса до комендантского часа, в нашей квартире раздался звонок. Чей-то голос сообщил, что за мной уже едет военная полиция, меня хотят схватить. Наши попросили меня немедленно прибыть в советское посольство. Я бросил в машину кинокамеру, магнитофон и с женой и ребенком умчался на другой конец города. Целую неделю мы жили в окруженном солдатами здании советского консульства. А когда собрались в Москву, наш автобус до аэропорта сопровождали бронемашин, и мы ясно видели направленные на нас дула автоматов...

НЬЮ-ЙОРК И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ...

Через некоторое время мне предложили отправиться в только что открывшийся корпункт в Нью-Йорке, и я с семьей уехал в США. В Америке мы пробыли 6 лет, до 1980 года. За это время я побывал во многих уголках страны, снял огромное количество

материалов для программы «Время», около десятка полнометражных документальных фильмов... Я видел Америку такой, какая она есть, все ее недостатки и достоинства. Через образы людей - белых, черных, латиноамериканцев - старался показать те детали, которых мы раньше не знали, рассказывал о мегалополисах и «одноэтажной Америке», об американских индейцах... В итоге появился цикл фильмов «Америка семидесятых», который был создан под руководством знатока США Валентина Зорина.

Но в 1985-86 годах я вновь оказался «на линии огня». Причем это произошло в буквальном смысле. Однажды в Кабульском политехническом институте я вместе с корреспондентом Алой Петровой делал репортаж об открытии новой лаборатории. После съемок в кабинете ректора для нас накрыли стол. И в ту минуту, когда все только рассаживались, раздался оглушительный взрыв. Стеклопанель стены, открывавшая вид на двор, обрушилась нам под ноги. Началась паника, все перемешалось. По зданию металась раненные окровавленные люди, кругом были разбросаны осколки, в нос бил едкий запах гари... На месте новой лаборатории зияли дымящиеся развалины. Потом мы узнали, что пластиковая бомба, прикрепленная к стене, предназначалась в том числе и для нас.

После Афганистана я задержался на Ближнем Востоке. Вместе со знатоком арабского мира обозревателем Гостелерадио Фаридом Сейфульмулюковым в течение четырех лет снимал сюжеты для Центрального телевидения. В каких только странах мы не побывали за это время! Палестина, Ливан, Сирия, Иран, Ирак... Мы снимали последние дни жизни аятоллы Хомейни в Иране, интервью с Саддамом Хусейном, трагедию палестинских лагерей беженцев, тюрьмы Сектора Газа, скелеты разрушенных домов Бейрута... И везде свистящие пули, тревожная военная обстановка...

Вот так я и воплотил в жизнь свою детскую мечту. Но я не просто объездил почти весь земной шар, я старался глубже проникнуть в особенности каждой страны. И еще я убедился, что жизнь всегда предлагает нам чуть больше, чем мы хотим, а то, что ею дается, надо обязательно использовать.

Интервью: Ольга Паско.

В объективе - «Холодная война»

21.12.2007

Адрес статьи: <http://vesti70.ru/stats/full/?id=13249>

Автор: **Интервью: Ольга Пасько .**

Источник: **БУФФ-САД**

Легенда отечественной документалистики рассказал о «горячих точках» ушедшей эпохи специально для «Буфф-сада»

Недавно мне посчастливилось участвовать в работе X Евразийского телефорума. Среди гостей я заметила своего знакомого - Владимира Гусева, известного советского оператора-документалиста, преподавателя кафедры телевидения факультета журналистики МГУ. Этот поистине уникальный человек лично присутствовал при многих поворотных событиях XX века. Он работал там, где находиться было смертельно опасно. Но он всегда рисковал. Мы предлагаем вам рассказ человека, побывавшего в самом пекле ушедшей «холодной войны» - эпохи, которую еще не все успели позабыть. Но по которой кое-кто у нас уже пытается ностальгировать...

Напалм в джунглях

Однажды в детстве я посмотрел в кинотеатре на Арбате трофейный фильм о Маугли - тропики, обезьяны, развалины древних цивилизаций... И тогда я твердо решил – буду снимать экзотические страны! Я поступил во ВГИК и получил свой шанс. Пошел на Шаболовку, где находилось Центральное телевидение. Дальше проходной меня не пустили: «Кто? Студент Гусев?.. Что вы! У нас и так все набрано на десять лет вперед!». Огорченный, я вышел на улицу и побрел вдоль забора. Через ограду свешивались ветки, а одна перегнулась настолько, что можно было рискнуть... Не мешкая, я перемахнул через забор... Бродя по коридорам телецентра, нашел-таки кабинет директора. И после долгого объяснения меня приняли на курсы операторов ЦТ.

В 1968 году была в самом разгаре война во Вьетнаме. В Ханое тогда открылся один из первых зарубежных корпунктов Гостелерадио. Никто из маститых операторов не решился ехать туда на четыре года, да еще без семьи. Я, ни секунды не задумываясь, пошел к начальству и попросился на войну.

Вступив на вьетнамскую землю, я сразу угодил под бомбежку. Со всех сторон грохотали зенитки, осколки снарядов, как дождь, сыпались вокруг. Помню, я сорвал лист с бананового дерева, надел на голову и прижался к стене разрушенного дома. Это было мое первое боевое крещение.

Потом я понял, что работать можно и в таких условиях. В Индокитае тогда вся жизнь ушла под землю - в городах и селениях были подземные жилища, заводы, госпитали с искалеченными детьми и даже гостиницы для иностранных журналистов вроде меня. Здесь всю хозяйничали крысы. Мы спали на кроватях под огромными марлевыми пологам, и грызуны любили по ночам на них резвиться. Кровать ходила ходуном!

Однажды после съемок нас решили угостить обедом - подали очень вкусный вьетнамский овощной суп. В этот момент прилетел американский самолет и начал бомбежку. Из вентиляционного отверстия над моей головой огромная крыса плюхнулась прямо в мою тарелку. Затем она прыгнула на плащ соседа. Тот, обезумев от страха, вскочил и замахал руками. Крыса визжала и кусалась... Когда все улеглось, я, не отойдя от шока, схватил ложку и быстро доел свой суп.

Вообще, я не видел более экзотического места на земле, чем Индокитай: непролазные леса, гигантские статуи Будды, люди с иным мышлением и образом жизни. Да еще - тропические ночи, пьянящие своим ароматом и звуками джунглей! Я был пленен красотой фантастической природы.

Когда мы перелетали на стареньком ООН-овском самолете «Дуглас» - единственном средстве сообщения в той военной обстановке - из Ханоя во Вьентьян, Пномпень или Бангкок, то часами наблюдали под собой бескрайнюю зелень тропиков. В 30-е годы французский летчик случайно обнаружил здесь мертвый город Ангкорват - дворцы и храмы древней цивилизации, опутанные лианами, переплетенные корнями гигантских деревьев.

Со своей кинокамерой я исколесил на джипе весь Индокитай. Видел дикие племена, жилища на сваях, гигантские поля опиумного мака. Кругом центры сопротивления, партизанские отряды... Но чаще всего

снимал выжженную напалмом землю, людей, бегущих из горящих деревень, сутками висящие в небе американские бомбардировщики.

Мне удалось побывать и «по ту сторону» линии боя. Я видел «пир во время чумы» в обреченных на гибель занятых американцами городах - отчаянную гульбу, пьяных офицеров и стайки проституток. А одновременно по периметру городов шла ожесточенная пальба - из джунглей надвигались партизаны. Жутковато и трагически проходили последние часы американского правления - партизаны Вьетконга безжалостно расправлялись со своими врагами. Последними кадрами той войны стали вертолеты, которые под обстрелом снимали с крыши американского посольства в Сайгоне гроздь виснувших на шасси людей.

Бомбежки городов американцами в самом конце вьетнамской войны представляли ужасающее зрелище. Днем и ночью сотни бомбардировщиков Б-52 совершали налеты на Ханой и Хайфон. Взрывы выворачивали землю наизнанку, выкорчевывали целые дома. Утром вдоль улиц тянулись километровые шеренги гробов, куда складывали части человеческих тел...

Наутро после таких «ковровых» бомбардировок за мной, единственным тогда в городе иностранным кинооператором, приезжал сам мэр Ханоя и вез на своей машине в места разрушений. Улицы выглядели как руины, повсюду огромные воронки и огромные фюзеляжи сбитых Б-52.

Когда я вернулся в Москву, в Кремле председатель Верховного Совета Георгадзе вручил мне орден «Знак Почета». А через год вызвали в отдел кадров и сказали: «У тебя хорошо получаются съемки военных действий! Сейчас еще в одной стране назревают события. Готовься к поездке в Сантьяго». Вот так в 1973 году, за несколько месяцев до военного переворота, я оказался со своей женой и трехлетним сыном в Чили...

Последние слова Альенде

Не зря Американский континент называют Новым Светом – это красивейшее место на планете. Ярко-синее небо, изумрудно-зеленые леса. С одной стороны - бирюзовое море, с другой - белоснежные вершины гор. Но и тут мне пришлось снимать не красоты природы. В Чили я попал в эпицентр жестокой гражданской войны, произошедшей в конце правления кабинета Сальвадора Альенде.

По улицам Сантьяго бродили бойцы многочисленных военных формирований. У всех солдат курки автоматов были на взводе.

Многочисленные попытки государственного переворота и кровавые расправы породили в людях нервозность. Если идущий по улице человек вызывал подозрение, по нему открывали огонь без предупреждения. Я старался ходить посередине улицы и высоко нести на плече кинокамеру, чтобы все видели, что я кинооператор. Но если во Вьетнаме стрекочущая камера в руках защищала от нападений, то в Чили это не отгоняло тревогу – постоянно звучали сообщения об убийстве журналистов.

С президентом Республики Чили Сальвадором Альенде я был знаком лично - снимал его интервью для нашего телевидения во дворце Ля Монеда. Альенде хорошо относился к нам - СССР тогда оказывал поддержку его кабинету.

Накануне военного переворота вечером у служебного входа в правительственный дворец столпились десятки журналистов, ожидая приезда Альенде. Всех волновал вопрос: что он думает по поводу слухов о завтрашнем выступлении генерала Пиночета против законного правительства. Подъехали несколько правительственных «Фиатов». Опустив голову, президент молча, быстрыми шагами шел мимо взволнованной журналистской братии. Альенде не обращал на нас внимания. И вдруг среди множества лиц он узнал советского репортера Леонарда Косичева. И уже у самой калитки, повернувшись к моей кинокамере, сказал свои последние в жизни слова для прессы:

- Я уверен, чилийская армия никогда не нарушит конституцию и не вмешается в политику.

А наутро 11 сентября произошел кровавый переворот. В городе поднялась стрельба. Самолеты бомбили окруженный танками дворец Ля Монеда... Окна нашего корпункта выходили как раз на президентский дворец. Я видел, как вереницы грузовиков с солдатами в форме германского вермахта (военную униформу для Чили поставляло тогда ФРГ) заполняли улицы. Это напоминало кадры из фильмов о Второй мировой войне... После переворота я видел, как те же самые грузовики возвращались в казармы, набитые телами сторонников Альенде...

СССР активно выступил против фашистского путча. Поэтому власти сразу начали преследовать нас. Некоторых корреспондентов бросили в тюрьму.

Я спасся чудом: однажды вечером, за полчаса до комендантского часа, в нашей квартире раздался звонок. Чей-то голос сообщил, что за мной уже едет военная полиция, меня хотят схватить. Наши попросили меня немедленно прибыть в советское посольство. Я

бросил в машину кинокамеру, магнитофон и с женой и ребенком умчался на другой конец города. Целую неделю мы жили в окруженном солдатами здании советского консульства. А когда собрались в Москву, наш автобус до аэропорта сопровождали бронемшины, и мы ясно видели направленные на нас дула автоматов...

Нью-Йорк и его окрестности...

Через некоторое время мне предложили отправиться в только что открывшийся корпункт в Нью-Йорке, и я с семьей уехал в США. В Америке мы пробыли 6 лет, до 1980 года. За это время я побывал во многих уголках страны, снял огромное количество материалов для программы «Время», около десятка полнометражных документальных фильмов... Я видел Америку такой, какая она есть, все ее недостатки и достоинства. Через образы людей - белых, черных, латиноамериканцев - старался показать те детали, которых мы раньше не знали, рассказывал о мегаполисах и «одноэтажной Америке», об американских индейцах... В итоге появился цикл фильмов «Америка семидесятых», который был создан под руководством знатока США Валентина Зорина.

Но в 1985-86 годах я вновь оказался «на линии огня». Причем это произошло в буквальном смысле. Однажды в Кабульском политехническом институте я вместе с корреспондентом Адой Петровой делал репортаж об открытии новой лаборатории. После съемок в кабинете ректора для нас накрыли стол. И в ту минуту, когда все только рассаживались, раздался оглушительный взрыв. Стеклопанная стена, открывавшая вид на двор, обрушилась нам под ноги. Началась паника, все перемешалось. По зданию метались раненые окровавленные люди, кругом были разбросаны осколки, в нос бил едкий запах гари... На месте новой лаборатории зияли дымящиеся развалины. Потом мы узнали, что пластиковая бомба, прикрепленная к стене, предназначалась в том числе и для нас.

После Афганистана я задержался на Ближнем Востоке. Вместе со знатоком арабского мира обозревателем Гостелерадио Фаридом Сейфульмулюковым в течение четырех лет снимал сюжеты для Центрального телевидения. В каких только странах мы не побывали за это время! Палестина, Ливан, Сирия, Иран, Ирак... Мы снимали последние дни жизни аятоллы Хомейни в Иране, интервью с Саддамом Хусейном, трагедию палестинских лагерей беженцев, тюрьмы Сектора Газа, скелеты разрушенных домов Бейрута... И везде свистящие пули, тревожная военная обстановка...

Вот так я и воплотил в жизнь свою детскую мечту. Но я не просто объездил почти весь земной шар, я старался глубже проникнуть в особенности каждой страны. И еще я убедился, что жизнь всегда предлагает нам чуть больше, чем мы хотим, а то, что ею дается, надо обязательно использовать.

Интервью Ольга ПАСЬКО

Москва - Томск